

Реальный текст ЕГЭ по русскому языку 2019. Паустовский «Севастополь»

Инкерман. Последний туннель. Все бросаются к окнам вагона. Но, даже не глядя в окна, можно догадаться, что поезд подходит к Севастополю. Отражения воды бегут по потолку вагона, морской ветер вздувает занавески, гремит сигнальная пушка. Полдень! Синевой, блеском прибрежной волны, желтыми скалами, сухим огнем бьет в глаза, слепит Севастополь.

А потом — знакомый половине России севастопольский вокзал. Ильф писал о нем: «Севастопольский вокзал, открытый, теплый, звездный. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума, ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах».

В этих словах с необыкновенной сжатостью передан Севастополь. Прочтя эти строки, невольно хочется спросить соседа: «Помните?» — и услышать ответ: «Да, конечно, помню. Тополя у самых вагонов. Какой это замечательный город!»

Таким мы помним Севастополь — город русской славы, боевых кораблей, памятников, фортов, заржавленных круглых ядер, застрявших в стенах домов, город бастионов, адмиралтейских якорей, Малахова кургана, цветущего миндаля и мягких, всегда немного таинственных вечеров.

Город великих адмиралов — Лазарева, Корнилова, Нахимова, город Пирогова, Льва Толстого, Матюшенко, лейтенанта Шмидта, Севастополь был и будет городом славы. Его слава — в великих традициях, в величавой его истории, в том, что Севастополь — гордый город. Он был гордым во времена обороны 1854 года, он был гордым в годы революции, и он остался таким же гордым и непреклонным в дни последней восьмимесячной осады — одной из самых суровых осад на земле.

Последние защитники Севастополя — моряки — погибли на Херсонесском мысу, но не сдались. В последние часы у них хватило силы духа, чтобы, яростно отбиваясь от немцев, передавать из уст в уста с привычным юмором историю, случившуюся со старым парохомом.

Старый парохом одним из последних уходил из осажденного Севастополя. Команда его была уверена, что парохом рассыплется от первой взрывной волны — не то что от прямого попадания бомбы. И вот бомба попала в парохом, прошла через него насквозь, как через бумагу, пробила ветхое днище и взорвалась на морском дне. Команда

подвела под пробоину пластырь, и пароход пошел своей дорогой.

Судьба этого парохода, может быть, подлинная, а может быть, выдуманная каким-нибудь шутником-черноморцем, веселила последних защитников Севастополя. Они до конца остались верными флотской традиции отваги и веселья. Даже умирая, они шутили.

Если бы немцы были способны понимать движения человеческой души, то этот смех привел бы их в содрогание. Они бы поняли, что, взяв Севастополь, они его уже потеряли, что бессмысленно думать о порабощении русских и что возмездие будет беспощадным.

Севастополь снова наш. Он расцветет с новым величием. Несколько месяцев назад, когда наши части стояли еще под Перекопом и не было наступления, группе московских архитекторов и скульпторов было уже предложено готовиться к восстановлению Севастополя. Мы знали, что вернемся в Севастополь. Мы знаем, что огромным трудом и вдохновением снова создадим этот порт и город.

Но чтобы воссоздать его, нужно, почаще вспоминать о том Севастополе, который мы все любили и знали. Он был живописен. В нем были явственно видны черты морского города, морской крепости, стоянки флота. Даже на улицах, удаленных от моря, все напоминало о нем — якорные цепи вместо перил, ракушки, трещавшие под ногами, мачты с шумящими по ветру флагами, особая приморская архитектура домов из инкерманского выветренного камня и лестницы — «трапы», соединявшие его нагорные улицы.

Морская поэзия здесь становилась жизнью, реальностью, бытом. Улицы, запруженные в сумерки матросами с кораблей, белизна одежды, скромное золото, разлетающиеся по ветру ленточки бескозырок, синие громады крейсеров, дым, визг сирен, сигнальные огни, плеск воды, взмахи прожекторов, крики лодочников, смех, песни — все это, смягченное южным вечером, давало ощущение приподнятости и праздничности.

Новый Севастополь будет еще более радостным и прекрасным, чем был прежний. Пусть все морские традиции и наша морская история найдут себе отражение в этом городе. Пусть к памятникам вождей и старых адмиралов прибавятся новые памятники — защитникам Севастополя, тем, кто его освободил, наконец, памятники великим мореплавателям, путешественникам, флотоводцам. В Севастополе должны быть памятники Ушакову и Лазареву, Миклухо-Маклаю и тем нашим летчикам, что выросли

около Севастополя, на Каче. И кроме того, должны быть памятники боевым кораблям.

Можно только завидовать архитекторам, скульпторам, инженерам, садоводам, художникам, плотникам и каменотесам, литейщикам и монтажникам, которые будут работать над созданием нового Севастополя.

Слава былых времен находила свое выражение главным образом в бронзе и мраморе. Слава нашего времени найдет себе выражение не только в этом, но и в самом городе, в его зданиях, в его улицах, в его садах, в его заводах и культурных учреждениях, где все должно говорить о великой борьбе нашей страны за счастье, справедливость, за народное богатство, за независимость и культуру.

Из этой борьбы мы выйдем победителями. В память этой борьбы и победы мы должны возродить наши города во сто крат более прекрасными, чем они были, возродить, зная, что в этих городах будет жить счастливое поколение людей.

Бессмертное имя «Севастополь» знает весь мир — от Гренландии до мыса Горн и от Аляски до Сиднея. И это имя будет всегда сиять в веках как символ мужества и любви к своему Отечеству.

1944 г.
